

Марія
КОВАЛЕНКО

ЖЕНА ДЛЯ
~~МОШТРА~~
ГЕНЕРАЛЬНОГО

Марья Коваленко
Жена для генерального
Серия «Князя Абашевы», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68860782

Жена для генерального:

Аннотация

Уехав в другой город, порвав все связи с прошлым, я надеялась, что смогу спокойно родить и воспитывать свою малышку. Но у моего прошлого оказались другие планы.

– Я не хочу с тобой никуда ехать. У меня здесь своя жизнь, своя дочь, и снова становиться твоей игрушкой нет никакого желания.

– У тебя моя дочь, – произнес он с такой уверенностью, что мне тут же стало не по себе.

– Нет...

– Да! И выбора, мышка, тебе давать никто не собирается.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	41
Глава 5	49
Глава 6	56
Глава 7	63
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Марья Коваленко

Жена для генерального

Глава 1

Счастье по имени Саша

Аглая

– Природа все же стерва! – подлив себе чая, произнесла высокая статная женщина лет пятидесяти пяти. – Как ребенка кормить, так грудь во! – Она обрисовала в воздухе огромные шары. – А как потом с мужиком личную жизнь налаживать, так все сдувается, – показала две фиги.

– Теть Лариса, ну мне это точно неактуально.

Я глянула на спящую в кроватке дочку и продолжила расчесывать волосы.

– Ну да, твоя Санька и за мужика, и за себя, и за кого третьего выматывает. – На цыпочках подойдя к малышке, тетка послала ей воздушный поцелуй. – Эх, если бы в мое время были технологии как сейчас... двоих таких родила бы. Не ребенок, а ангел.

По поводу того, что «ангел» и «выматывает» совсем не сочетается, я уже тетку поправлять не стала. Мы обе за последние семь месяцев то готовы были падать от усталости,

то порхали от счастья, увидев первую улыбку или услышав первое «агу».

Ума не приложу, как бы я справлялась без тети Ларисы. Не наведайся она как-то в гости, зачахла бы за время беременности в Питере. Сидела бы в четырех стенах, как заключенная, страшась выйти на улицу, случайно встретить кого-то из коллег или услышать знакомый голос.

Теперь даже вспоминать смешно было, как мама боялась сообщить тетке о моей беременности. Родная мать стыдилась, что вместо мужчины и семьи я выбрала ребенка из пробирки. А далекая тетка, седьмая вода на киселе, обрадовалась как чуду, помогла собрать чемоданы и увезла к себе в Воронеж.

«Поживешь месяц-другой, свежим воздухом подышишь. Щеки тебе блинами отрастим. А потом сама решишь, где лучше оставаться». Против таких доводов мне и возразить было нечего. Со щеками еще доктор сказал, что нужно что-то делать. Подальше от Питера, на свежий воздух, тоже хотелось.

– Так, ладно, – насмотревшись на племянницу, Лариса Аркадьевна решительно достала из шкафа мое пальто и повесила на крючок в прихожей. – К этому клиенту поедешь как девочка. Хватит уже «беременные» куртки таскать. И сапоги наденешь! На каблуках! Он мужик видный. Со своей оранжереей. Договоришься о цветах, потом, может, он тебя еще на что уговорит.

– Теть Ларис! – Так и хотелось хлопнуть себя ладонью по лбу.

– Ты мне не тетейкайся! Саньке вон уже семь месяцев. Скоро про папку спрашивать начнет. К этому времени нужно успеть. Да и сиськи пока не сдулись. С такой красотой даже глазки строить не надо. Любой нормальный мужик сам охотуется и сердце с почками отдаст.

– Сердце и руку, – смеясь, поправила я.

– Аглаша! – тетка важно уперла кулаки в бока и подняла брови. – Поверь моему опыту. Четыре брака – это тебе не хухры-мухры. Руки они за второй размер отдают. А за твой третий, стремящийся к четвертому, – все потроха с бумажником. И перед дочкой твоей плясать будут.

Если бы это был наш первый разговор, я бы обязательно стала спорить. Но за последние три месяца, как начала помогать тетке с ее цветочными магазинами, она уже столько раз устраивала мне случайные встречи и деловые переговоры с потенциальными отцами Саше, что мозоль на языке натерлась от споров.

– Хорошо, будет предлагать почки, обязательно спрошу и про бумажник, – отшутилась я, забрав пальто.

– Вот, умнеешь на глазах! – Тетка вернулась к своему чаю. – Только такси не вызывай. К Платонову тебя Зоя Фёдоровна свозит. Возле усадьбы этого цветочного барона сплошные поля, а ей волкодава своего выгулять нужно.

Вот теперь я все же хлопнула себя по лбу. Мало того, что

соседка с собакой периодически остаются у нас дома нянчить Сашу, так теперь еще тетка умудрилась превратить Зою Фёдоровну в моего шофера.

– Аглаш, я ее на ставку к себе в фирму взяла. Будет с тобой везде кататься. Ну а Берти ее... Хотя какой-никакой, а мужик в нашем бабском батальоне, – тетка тяжело вздохнула. – С собаками оно, мне кажется, даже лучше, чем с мужиками... Обидит кто – он полжопы за раз откусит. И «фас» командовать не надо. А мужика пока убедишь, что тебе больно сделали, пока наплачешься... Ай!

Наверное, нужно было улыбнуться. Даже суровая правда жизни из уст тетки звучала с бодрящей иронией. Но губы отказывались слушаться.

Год назад я бы дорого заплатила за такого Берти. Чтобы он за мое разбитое сердце откусил у одного питерского босса хотя бы кусок упругой филейной части. Чтобы хоть так заставить его пострадать. Но ни тетки, ни Берти, ни бойкой соседки у меня тогда не было. Лишь холодные стены своей, но ставшей вдруг чужой квартиры и малышка под сердцем, которая заставляла день за днем выживать.

– Ладно, хорошо. – Я тряхнула головой, прогоняя из нее ненужные воспоминания. – Если Зоя Фёдоровна теперь у нас на ставку, я согласна.

– Вот и умница! – тетка стрельнула глазами в сторону сапог. – И с Платоновым поласковее. Доктор Сашкин, конечно, мужик симпатичный и пороги обивает семь месяцев ис-

правно. Но у женщины должна быть альтернатива.

– Хорошо, буду строить глазки и изображать дурочку.

Чтобы не опоздать из-за спора, слова о докторе я пропустила мимо ушей.

– Ты, главное, шарфик с декольте убери и контракт под-
сунь. А дальше природа сама сделает свое дело.

Тетка поправила на мне воротник пальто и перекрестила. Всего несколько движений, уже привычный ритуал, а на душе тут же посветлело. В родительском доме я никогда не чувствовала тепла и заботы. Лишь с одним мужчиной в наш сладкий, но фальшивый месяц.

Ради такого покоя не жалко было брошенной в Питере квартиры, поста помощника генерального директора крупной строительной компании. Не тянули никуда корни.

– Какая все же красивая ты у меня, девочка, – тетка не выдержала и возле самого порога сгребла в объятия. – Не была бы однолюбкой, давно стала бы счастливой.

– Я обязательно стану. – Переносицу опалило знакомой болью. – Еще несколько кандидатов, и, так и быть, сдамся.

– Ага. Сдастся она. – Дверь открылась нараспашку. – Врешь хуже моего второго... и даже хуже третьего мужа.

Тетка взглядом указала на часы и, махнув рукой, отправила меня решать наши цветочные дела.

Сегодняшняя встреча с Платоновым мало чем отличалась от других встреч, которые были у меня в последние месяцы. Немного мешали сапоги на высоком каблуке – отвыкла я за беременность от этого орудия инквизиции. Еще чуть-чуть смущал взгляд местного цветочного барона. Тот, как остановился на моей груди, так никуда и не двигался.

А больше ничего не беспокоило. словно каждый день согласовываю важные сделки, я уточнила все нюансы поставок, оговорила наши обязательства и даже выторговала приличную скидку.

Со стороны и не верилось, что это я, прежняя исполнительная помощница босса, способная рассчитать доходность любой сделки, и трусливая мышь на любых переговорах.

Я, а не какой-нибудь невидимый начальник рядом, уговорила подождать с оплатой до продажи первой партии цветов. Я, а не приглашенная для красоты модель, смогла так улыбаться, обещать поход в ресторан и встречу «как-нибудь за чашкой кофе», что Платонов отошел от стандартных условий своего договора.

Как подменили.

Марат не оставил ничего от моего сердца, но он каким-то непостижимым образом сумел меня расколдовать. Больше не хотелось прятаться от мужского внимания. Не бил озноб

от поцелуя в руку. И даже когда Платонов, помогая надевать пальто, коснулся шеи, я лишь вздрогнула, да и то скорее от холода.

Глубоко на душе мне было все равно. Как и при прошлой встрече с одним важным банкиром. Как до него – с владельцем помещения под новый магазин.

Комплименты, цветы, улыбки, предложения продолжить знакомство за бокалом вина – ничего из этого я и представить не могла в одинокой жизни до Марата. Одиночество тогда разгоняло ухажеров, как опасный вирус. А сейчас, когда стало на них плевать и жизнь заполнилась настоящими близкими людьми, впору было учиться отбиваться от мужчин.

Странный парадокс. У меня не было ответа на вопрос, почему так происходит.

Впрочем, одно исключение все же существовало.

Стоило выйти за ворота особняка Платонова, это самое «исключение», разбрызгивая на бегу слюни, оглашая окрестности громким лаем, бросилось ко мне в ноги.

– Выгулялся, сер Бэрримор? – я потрепала по холке огромного чёрного лоснящегося кане-корсо.

Будто понял, что у него спросили, пёс тряхнул лобастой головой, и оставшаяся слюна полетела на моё пальто.

– Берти, ух, кобелюка проклятая, я тебя кастрирую! – следом за псом к нам подбежала его хозяйка. Невысокая сухонькая женщина без возраста. – Сама кастрирую! Тупым ножом! Кому сказано было сидеть?

Зоя Фёдоровна утерла со лба пот и за ошейник оттянула питомца подальше от меня.

– Прости, хорошая моя. Он, как тебя видит, совсем дуреет. Семь лет балбесу, а как щенок летит навстречу. – Она взглядом указала на испачканное пальто. – Я тебе завтра все почищу, и следа не останется.

– Ничего страшного. – Я снова дотянулась до холки и зарылась пальцами в шелковую шубу. – Такому красавчику можно все.

– А тому красавцу? – соседка взглядом указала на ворота усадьбы.

– А ему можно продавать нам цветы и не мешать работать.

К тому, что Зое Фёдоровне почему-то не нравятся все теткин партнеры, я уже привыкла. Ума не приложу, как они до сих пор не переругались из-за своих взглядов на устройство моей личной жизни. Тетка благословляла на каждую встречу, как на смотрины. Соседка ворчала, будто мужчины – это лишнее звено эволюции. Иногда я чувствовала себя как на пороховой бочке. Благо Саша и Берти успешно справлялись с функциями громоотводов.

– Но ты смотри, если будет приставать, выучу Берти команде «Яйца»!

– Не нужно!

– Мне несложно! Он, конечно, дурень, но ради тебя выучится.

– Куда этому барону до сэра Бэрримора! – Удержаться

и не обнять пса было невозможно. Теперь уже и не верилось, что в нашу первую встречу, когда соседка пришла знакомиться, я с Сашей на руках забралась на стол. Тогда сердце от страха чуть не остановилось. А этот гигант оказался милым домашним пуфиком, на котором хоть верхом кататься, хоть ноги на него клади.

– Аглая-Аглая, – Зоя Фёдоровна покачала головой, но разбивать нашу пару не стала. – Хочешь, я тебе его совсем подарю? Будет вас с Сашкой сутками развлекать. Может, хоть по всяким Платоновым вместо тетки кататься не придется.

– Мне нетяжело ей помогать.

– Да что в этой помощи может нравиться? Носишься туда-сюда. Покоя нет, словно денег не хватает.

– Если ты о лотерее, то и не начинай! – Разговор о моем неожиданном выигрыше в лотерею мы вели уже полгода. С самого первого дня, когда соседка узнала, что купленный ею для меня билет оказался удачным.

– А что не начинать? Счёт в банке открыт на твоё имя. Сумма там такая, что хватит и тебе, и Сашке, и внукам.

– Я не покупала тот билет, значит, и права не имею.

– Так ты ж меня просила. Я для тебя его, последний в киоске, забрала!

– И все равно это ваши деньги. Кто купил, тот и победитель.

– Ой, дуреха! – Соседка открыла заднюю дверь машины и взмахом приказала Берти занимать свое место. – Мне ж

эти деньги все равно не нужны. У нас с этим кобелем есть все. А сейчас еще твоя тетка зарплату будет платить за то, что с Сашкой нянчусь. Вообще миллиардершей стану! Жаль, завещать некому.

– Можно питомник создать. Разводить таких красавчиков, – пристегнув ремень, я кивнула в сторону пса. – Ну, или пойти на курсы кинологов. Тренироваться есть на ком.

– Придумаешь еще! Питомник, кинологи...

Зоя Фёдоровна хмыкнула, но дальше спорить не стала. Старый, но крепкий внедорожник Опель Фронтера двинулся вперед по сельской грунтовке. Все внимание ушло на дорогу и рассказ о вчерашней прогулке с Сашей. И только когда машина подъехала к подъезду нашего дома, соседка отвлеклась.

– О, еще один Ромео нарисовался! – указала она на высокий, широкоплечий «отвлекающий фактор» с букетом ромашек в руках и тяжелой сумкой на плече.

– Илья?... – Я посмотрела на букет роз в своих руках, на ромашки и нервно сглотнула.

– Ишь, явился! – Зоя Фёдоровна так ударила по клаксону, что от гудка педиатр моей малютки подпрыгнул на месте. – У-у! Совсем мужик нынче бракованный пошел. Благо, этот хоть в обморок не грохнулся. А так я бы посмотрела на его «Врач, исцели себя сам».

Нехорошо было смеяться, когда на тебя сквозь стекло смотрят с таким восторгом, но я не смогла удержаться. Губы

сами расползлись в улыбку, и пришлось прикрывать их рукой, чтобы не было видно смеха.

– Ладно, девонька моя. Иди уже, пока я вашего доктора и правда не прибила случайно, – соседка перегнулась через мои колени и сама открыла дверь. – Завтра я у вас с самого утра. Заберу Сашку в поля. Будем свежим воздухом дышать. Ей для аппетита полезно, а демон мой хоть выбегается.

Не тратя время на долгое прощание, она подала сумочку с документами и помахала рукой. Так быстро, словно не физкультуру раньше в школе преподавала, а какое-нибудь единоборство в военной академии.

Я даже розы на сиденье к Берти перекинуть не успела. Как держала их в левой руке, так и выплыла из Фронтеры к Илье. На каблуках, в пальто, подчеркивающим талию, и с цветами, стоившими половину зарплаты врача.

Наверное, если бы ударила его этими розами по лицу, результат был бы менее печальным. Но возвращаться в машину было поздно.

– Привет, я, похоже, не вовремя... – Рука с ромашками опустилась, и цветы повисли, будто веник.

– Это... Работа.

Я сама забрала букет и объединила розы с ромашками. Более ужасное сочетание и представить было сложно. Богатые розы, на которые дышать, казалось, страшно. Нежные ромашки, которые я безумно любила в полях, а на срезанные не могла смотреть без боли.

Два совершенно разных чувства, и ни одно хотя бы отдаленно не напоминало радость.

– Я тут недалеко от вас был, – Илья замялся.

– На приеме?

– Да. Подумал, что стоит зайти... Узнать, как Саша. Как ты...

– У нас все хорошо.

– Но тогда... Может, на чай пригласишь?

У меня в горле словно ком застрял.

– Илья, а нужно?

– Аглай, да мне хотя бы только чай...

От взгляда синих глаз напротив букеты стали адски тяжелыми. Даже Берти не смотрел на меня с таким обожанием. Мудрый пес делал умильную морду, чтобы получить свое почесывание, а потом быстро превращался в избалованного любимца. Илья же...

Я в нем словно себя видела. Влюбленную и ненужную. И ведь, в отличие от Марата, не сделала ничего, чтобы заставить любить. Скорее наоборот – обрадовала грязным подгузником во время первой встречи. И была единственной, кто не прихорашивался в коридоре поликлиники перед приемом у красавца-педиатра.

Все тот же парадокс. Впервые в жизни мне не нужен был никакой мужчина. С Маратом нас не связывало больше ни одной ниточки. Даже черно-белое фото мальчика, похожего на него, я умудрилась потерять во время переездов. А что

Илья, что Платонов, что другие – они тянулись ко мне. Хотели каждый своего. Смотрели кто с восхищением, кто с интересом, кто с похотью.

И только у меня внутри ничего не откликалось. Будто какая-то часть, ответственная за этот самый «отклик», потерялась, а, как у ящерицы, новая отрасти не могла.

Глава 2

Приветы из прошлого

Аглая

О том, с кем у меня сегодня были встречи, тетка узнала по букетам. Словно я с фронта вернулась, а не с деловой встречи, ругать или о чем-то спрашивать она не стала. Без вопросов забрала цветы, поставила в две одинаковые вазы на подоконнике, а потом уткнулась в документы.

За такое понимание ее хотелось обнять. Не представляю, как бы сейчас рассказывала о встрече с Ильей. Он ведь почти уговорил меня на чай. Почти поцеловал.

Отвернулась в самый последний момент. Не смогла. Даже ради Сашки, которая боготворила своего доктора. Даже ради того, чтобы узнать, насколько со мной все плохо. Прохрипела: «Прости» – и убежала, словно кто-то гнался позади.

– Кстати, забыла сказать, – тетка отвлеклась от договора. – На домашний телефон час назад профессор один звонил. Роберт Вяземский... Вроде бы так он представился. Твоей мамаше хватило ума не сообщать ему номер мобильного, но наш городской она дала.

От упоминания своего первого мужчины я чуть не споткнулась на ровном месте. Больше четырех лет от Роберта не было никаких вестей. Как я ушла от него, оставив запис-

ку, так он и вычеркнул меня из жизни. Без звонков, попыток вернуть или хотя бы пообщаться.

– И что ему нужно?

Мужского внимания мне на сегодня уже хватило. С избытком! Улыбаться, как Платонову, не было желания. Бороться с чужими чувствами не осталось сил. А прошлое даже вспоминать не хотелось.

– Аглаш, – тетка развела руками, – того же, что и всем, – поговорить. Ты у меня нынче девушка нарасхват. Правда, этот, Вяземский, мне не понравился. Заносчивый. По голосу слышно, что корона на мозг давит.

– А о чем говорить, он не сказал?

– Я спросила, но не настолько я важная птица, чтобы мне докладывать. – Лариса Аркадьевна протянула бумажный листок. – Тут его номер. Сказал, что сейчас в наших краях. Ждет-с.

От теткиного отчета я даже усмехнулась. Это было так в стиле Роберта! Найти меня в другом городе, раздать задания незнакомым людям и ждать, что прибегу по первому зову. Даже то, что я уже давно не его ручная собачонка, не оставливалось.

– Ясно, – я забрала листок и не глядя положила на комод.

– И ты не будешь осчастливливать его Величество? – с иронией уточнила тетка.

– Не знаю. Сейчас точно нет. – От верхней одежды я избавилась быстро. Осталось вымыть руки и сделать то, чего

хотелось больше всего – взять на руки Сашу. Ломало уже без её улыбки и смешного «агу».

– Не уверена, что этот важный индюк отстанет от тебя просто так.

Тетка снова вернулась к договору. На столе зашелестели бумаги, появился калькулятор, и рядом вспыхнул экран моего старого ноутбука.

Наша обычная уютная обстановка. Ни мужчин, ни споров, ни проблем. Только дела и Саша.

– Если что, Зоя Фёдоровна обещала выучить Берти команде «Яйца», – отмахнулась я от последнего теткиного намека и взяла, наконец, свою сонную крошку на руки.

К счастью, которое затопило душу, невозможно было привыкнуть.

Мое маленькое солнце казалось настоящим чудом. Увидев мамино лицо, Саша улыбнулась широко, радостно, как голливудская звезда. Совсем миниатюрная, обняла так, что тепло растеклось по всему телу. И на сердце отозвалось: «Дома. Я дома!»

* * *

Любовь моя пухлощекая!

Ей было всего семь месяцев. А я уже не представляла своей жизни без этого милого совершенства. Словно до Саши и меня самой не существовало. Так, бродила по миру пу-

стая оболочка. Пыталась прибиться к одному мужчине, потом к другому... И только с малышкой по-настоящему заполнилась содержанием.

Никто, наверное, не поверил бы, но даже первые бессонные месяцы после родов были в радость. Саша узнавала меня. Смотрела своими огромными глазенками, тянула ручки, гладила грудь, когда я ее кормила. А я во все глаза смотрела на нее и каждый раз с трудом сдерживала слезы.

Если бы все сложилось иначе... если бы прежняя фантазия о любви была правдой, моего счастья хватило бы на двоих. Не смог бы Марат устоять против такой красоты. Ни одно сердце не осталось бы холодным от доверчивого детского взгляда и заливистого звонкого смеха.

Моя малышка забирала много сил, но отдавала столько чистой любви, что и он бы полюбил. Пусть не сразу. Пусть спустя время и вопреки собственным страхам, воспоминаниям о невесте и боли. В той прежней красивой фантазии нам троим было бы хорошо.

Но... кто-то сильно размечтался. Заболел надеждами, как болезнью. Вообразил, что наша встреча на пороге медицинского центра неслучайна. Что с фото в анкете донора на меня смотрел Марат. Такие смешные фантазии! Настолько глупые, что могли прийти в голову лишь влюбленной дуре.

А правда всегда оставалась правдой. У Марата была я – удобная домашняя мышка, с радостью согревавшая постель и готовая исполнить любое желание своего господина. Была

красавица Карина – для выхода в свет и счастливого отдыха на островах.

Никакого «мы» не существовало никогда. Иллюзия слишком сильно уставшей от одиночества женщины.

Не было взаимных чувств. Не было похожей на невидимый канал, по которому передавались все мысли и желания, связи. И в роддоме, когда моя малышка появилась на свет, за руку меня держал не он, а чужой похожий мужчина.

Пораженный любовью мозг выкидывал свои фокусы. Чувствовал то, чего нет. Видел, чего быть не могло. Ловил запахи... даже сейчас на моей собственной дочери, терпкие, мужские, какие остались в прошлом.

Я не вылечилась ни за полгода, ни за год. Не спасли ни бессонные ночи, ни новый город, ни внимание других мужчин. Марат словно перестроил меня под себя. Обрубил лишние корни. Научил чувствовать свое тело. Сделал зависимой от свободы, которую ощущала только с ним.

Наверное, если бы не Саша, за свои фантазии я заплатила бы гораздо дороже. Не только слезами. Но где-то убавилось, где-то прибавилось. Судьба, как суровый налоговый инспектор, проверила доходы, убытки и отпустила с богом.

К счастью, не в одиночестве.

– Кто самая красивая девочка? – Прогнав все непрощенные воспоминания, я расстегнула платье и спустила вниз бюстгальтер. – Это ты!

– Кого мама любит больше всех? – Приложила малышку

к груди. — Только тебя.

— А кто хочет мамино молочка?

Уговаривать мое солнышко поесть не пришлось. Тетка на миг отвлеклась от бумаг и глянула на нас с улыбкой. Саша по-хозяйски двумя ручками обняла грудь. И вскоре я почувствовала, как из головы начали вылетать все мысли. Стихла боль в ногах. Окончательно отпустил холод.

Остались только нежность и покой. Словно мы не в Воро-
неже, а где-нибудь на берегу теплого моря. Будто за окном не промозглая осенняя погода, а жаркое лето.

Хорошо было.

Наверное, это спокойствие и помогло позже, вечером, когда малышка уснула, а тетка ушла в свою комнату, взять с комода записку и набрать номер Роберта.

* * *

Прятаться и называть адрес какого-нибудь кафе я не стала. Сообщила, что смогу встретиться под подъездом своего дома через час. И впервые в жизни великий профессор Роберт Вяземский не стал спорить со своей ученицей.

Ответив «да», он положил трубку. А через час уже стоял под окнами. Один. Без цветов. Знакомый и незнакомый одновременно.

Соврала бы, если бы сказала, что не представляла нашу встречу раньше. Я хотела, чтобы наши дороги пересеклись.

Как-нибудь случайно в толпе или в одном из ресторанов. Показать, что я не сломалась. Что стала без него лишь сильнее. Что изменилась внешне и внутри.

Несколько раз я даже обыгрывала эту встречу в диалогах.

А сейчас почему-то стало все равно. Он протянул руку, чтобы поднести к губам и поцеловать мою. Я спрятала ладони в карманы бесформенной «декретной» куртки. И лишь как равному спокойно кивнула.

– Ты изменилась. – Тяжелый больной взгляд прошелся по мне от макушки до удобных ботинок.

– А ты постарел.

Прошло не так много лет с нашего разрыва, а выглядел Роберт как глубокий старец. Когда-то красивое породистое лицо осунулось. Темные густые волосы стали седыми и неприлично редкими. Пальто висело как на вешалке, хотя раньше телу Вяземского могли позавидовать модели мужского белья.

Это точно был не тот мужчина, перед которым я хотела показаться сильной и успешной. Этому хотелось предложить присесть на лавочку и поправить шарф, который он так и не научился завязывать.

– Заметно даже в темноте? – Роберт кивнул на тусклый фонарь под подъездом.

– Слишком заметно.

– Знаешь историю Дориана Грея? Того, чей портрет старел вместо него? – Седая голова склонилась набок. – Со

мной та же история. Только вместо портрета было кое-что другое.

– Медицинская карточка?

Не думала, что когда-нибудь буду сочувствовать этому человеку, но сейчас сердце сжалось от жалости.

– Много всяких карточек, диагнозов и прочего. – Вяземский отмахнулся. – Только я приехал... я хотел поговорить с тобой не об этом.

Будто почувствовав, что разговор мне не понравится, я невольно отступила. Всего на шаг. Но Роберт удержал за руку.

– Я был не прав тогда, – первое откровение прозвучало как гром среди ясного неба. – Вначале признаться было трудно, потому не искал тебя. А сейчас...

Левый уголок обветренных губ опустился.

– Выслушай меня, пожалуйста. Не знаю, сколько мне осталось, но ты должна знать. – Кадык на горле дернулся. – Аглая, если можно было бы жениться, то только на тебе. Я не слишком высокого мнения о твоих родителях, но у них как-то получилось воспитать совершенно особенную девушку. Настоящую, искреннюю, любящую. Созданную для брака и семьи. Может, вопреки.

Не думала, что Роберт еще когда-нибудь сможет довести меня до слез, но сейчас глаза защипало от влаги.

– Не надо дальше... – Слышать его признания оказалось больно. Все это было полной противоположностью тому, что

он говорил раньше, и тому, во что я верила... тогда, сейчас. Всегда.

– Ты домашняя. Ради такой можно возвращаться домой хоть из далекой командировки, хоть с того света. – Вяземский не замолкал. Будто рядом стоял кто-то с таймером и отсчитывал его время, он говорил лишь быстрее и громче. – Не было ничего примитивного в твоей простоте. Я тогда не понимал этого. Не было ничего скучного в одинаковых вечерах дома. Не представляешь, как мне не хватало их потом.

– Пожалуйста, не надо...

– Я не прошу меня простить... Даже тревожить тебя больше никогда не стану. Но не сказать правду не мог. – Роберт внезапно отпустил мою ладонь. Ссутулил плечи. Ничего не осталось от того атланта, которому я поклонялась. – Ты правильно сделала, что ушла. Надеюсь, что с другим у тебя получится лучше, чем со мной. Должно получиться. Такое сокровище ни один вменяемый мужчина не упустит. А такой слепой идиот, как я, вряд ли еще встретится.

– Даже в этом хочешь быть уникальным? – сквозь слезы я все же рассмеялась.

– Надо же как-то поддерживать самооценку. Тебя давно нет. А с такой гордостью на меня больше никто смотреть так и не научился.

– Наверное, ты плохо искал.

– Куда нам, орлам, до простых смертных? Не замечал больше никого. – Он снова горько усмехнулся. – А когда за-

мечал, вспоминал текст записки одной шустрой девчонки и пролетал дальше. Не хотел снова доводить кого-то до «не могу больше» и «лучше останусь одна».

– Гуманно, – голос сел.

Будто понял, что его время окончательно истекло, Роберт бросил взгляд на мою руку, но не попросил поцеловать ее на прощание.

– Не оставайся одна, девочка. – Он вдруг стал таким серьезным, каким не был, даже намекая на свою болезнь. – Ты не из тех, кто легко сможет тянуть эту лямку. Да, упрямства у тебя хватит. Но это не твое. Там, наверху, для каждого расписана роль. Но твоя точно не в одиночестве. Слишком много тепла. Сгоришь, если не отдашь другому.

– И ты так уверен в моей роли?

Я уже не сдерживала слезы. Они текли ручьями, будто слова этого давно чужого мужчины... старика срывали и старые, и новые заплатки на стенах дамбы.

– Я там, – Роберт взглядом указал вверх, – уже почти местный. Мне теперь все видно. А тебе одной оставаться не надо. Из-за меня не надо тем более! – Он стер большими пальцами две влажные дорожки с моих щек. Совсем как я, убрал руки в карманы. – Ты прости.

Глава 3

Цена ожидания

Марат

Погода для прогулок по лесу сегодня выдалась не самая удачная. В Питере, когда я вылетал три часа назад, светило солнце. Здесь же, в лесу под Воронежем, все небо было закрыто серыми тучами, и в любой момент мог начаться дождь.

Ни один уважающий себя охотник не поперся бы в глушь по такой погоде. Ни один любитель прогулок по свежему воздуху не решился бы морозить зад перед дождем.

К счастью, охотиться или стаптывать ботинки я не собирался. Все, что было нужно, – дожждаться, когда, скрипя старой подвеской, на опушку выедет Опель Фронтера, и не сдохнуть от кайфа, когда с заднего сиденья мне передадут люльку с розовощекой девочкой.

Алгоритм не новый. Больше десяти раз я исполнял каждый пункт, а сердце все равно заходило, как перед инфарктом. Хоть вози с собой набор для реанимации или катайся на эти встречи в машине скорой помощи.

Сейчас тоже накатывало.

Смотрел на приближающуюся тяжёлую машину. Пятый раз мыл руки антисептиком. И вдохнуть нормально не полу-

чалось. С каждым метром за грудиной болело все сильнее. Совсем как год назад, когда узнал, что скоро стану папой.

* * *

Год назад. Санкт-Петербург.

В моем прошлом хватало паршивых дней, но этот уверенно метил на первое место. Гроб с телом бывшей девушки. Убитые горем родители, которые проклинали меня за то, что отправил Карину на свою кипрскую виллу. Тишина в квартире.

Тишина убивала сильнее всего.

Я готовился к ней морально. За ночь со Штерном мы просчитали все. Его хакер загрузил в Инстаграм нужные фотографии полугодовой давности. Брошкина, прокляв меня по телефону, состряпала документы на увольнение помощника генерального директора. Секретарша выучила текст, который предстояло сказать Аглае.

Вместе с Димой мы заменили всех телохранителей. Общими усилиями убедили Бадоева обеспечить Аглае врача, а потом убраться из ее квартиры. Мы даже успели продумать, как устроить незаметную охрану моей мышке на будущее.

Это была адская ночь. Я за компьютером на Лимасоле. В гостинице недалеко от морга, где лежало тело Карины. Штерн с термосом кофе у себя в охранном бюро.

Но если бы я только знал, каким «счастливым» будет сле-

дующей день и следующая ночь!

В аду нет отдельного круга для тех, кто обманывает любимых. Ад для них начинается при жизни. С пустой вешалки, где еще недавно висел женский плащ. С опустевших шкафов. С барной стойки, на которой, будто почетный караул, всегда стояло две чашки, а сейчас сиротливо поджидала одна.

Раньше я думал, что не смогу снова привыкнуть к женщине в своем доме. После смерти Насти ни одна из любовниц не оставалась здесь на ночь. Всем вызывал такси или отвозил домой на своей машине.

А с мышкой всего за месяц умудрился впасть в зависимость от нее в моей кровати, на моей кухне, на каждом сантиметре моего жилища.

Спать – только в обнимку. Есть – с рук. С закрытыми глазами брать что угодно с чужой вилки. Целовать перед сном, после сна и вообще при любом случае или без него. Спорить по рабочим вопросам, а потом еще жарче спорить о том, что дома работа не обсуждается.

Я не знал, как живут другие пары. Занимаются ли они сексом так часто, как занимались мы. Засыпают ли вместе перед телевизором, не досмотрев до конца ни одного фильма. Умеют ли целоваться настолько долго, что кофе приходится греть дважды.

Может, для кого-то это было неправильно. По-юношески, будто впервые окунулись в отношения.

Но у нас все получалось именно так. Без просьб, без бытового подкупа, без занудных разговоров о правилах и рамках, о которых из каждого утюга талдычат новомодные психологи.

Мне досталась неправильная мышка. Без стандартного женского набора привычек и напряженного графика «техобслуживания» в салонах и спа.

А ей достался я. Голодный до ее искренности. Слетающий с катушек от невинно закусенной губы или мелькнувшей в отвороте халата ножки. Любой телевизионной передаче предпочитающий смотреть, как подо мной выгибается и кончает любимая женщина.

Сложились, как пазлы.

Задышали полной грудью. Радость от жизни почувствовали. Пока одна сволочь в моем лице сама все не разрушила. Хладнокровно. За считанные часы.

Ночью, пожалуй, было больнее, чем днем.

После аэропорта я лишь на несколько минут заехал домой. Стиснув зубы, принял душ и переоделся. А ночью сбегать на работу было поздно.

Ночью пришлось знакомиться со всеми последствиями своего поступка. Под стук дождя в окно, под хмурый взгляд Бадоева, который до глубокой ночи не желал «выписываться» из моей квартиры. Под боль где-то в районе желудка, будто меня нафаршировали ядом и сейчас он медленно разъедал изнутри.

Во всей этой какофонии паршивых ощущений спасало лишь одно. Даже на секунду, на миг я не сомневался, что поступил правильно.

Наверное, это было стандартное оправдание для палача, но я верил, что другого выхода не существовало. Потерю одного уroda – меня – мышка переживет. Переболеет, как тяжелой болезнью. К проклятию от Брошкиной добавится еще одно. И жизнь продолжится.

Но, если бы я позволил ей волноваться и дальше, если бы подверг риску жизнь неродившегося ребенка... собирать по осколкам было бы некого.

Оставалось успокаиваться тем, что все исправлю. Избавлюсь от врагов. Отвоюю свою девочку назад. Костями лягу, но заставлю забыть все, что из-за меня пережила.

Нужно было только немного потерпеть. Хотя бы пять месяцев. До родов. Чтобы избавиться от главного риска. А потом хоть в бункер вдвоем. Хоть на яхте в открытое море.

Нужно было лишь протянуть полторы сотни дней.

Не позволить себе ринуться к Аглае среди ночи. Не разбить в хлам телефон от желания написать, что все вокруг ложь. Не сдохнуть в ее гостевой комнате, на ее кровати, представляя, как охрана собирала проклятый чемодан, а моя мышка боролась. Все еще надеясь на ошибку, не хотела уезжать. Вопреки фактам, верила в меня и в нас.

Эгоистом в паре может быть только кто-то один. И я стал им на полную катушку.

Соучастница-совесть молчала. Ключи от машины и телефон так и оставались в гостиной, подальше от меня. И не было никакого шанса отмотать назад.

Только как-то выжить. Без ласковых объятий. Без «люблю». Без собственного признания, которое уже давно созрело и через неделю-другую обратилось бы в кольцо.

Тяжелая это была ночь. Даже с моим похоронным опытом – адская. И только к утру, когда желание сдохнуть сменилось желанием убивать и руки не разбирая стали громить все подряд, стерва-судьба решила побаловать своего любимца.

Вначале я не понял, на что смотрю. Черно-белая распечатка с фотографией мальчика выпала из тумбочки как-то незаметно. Вначале я даже не обратил внимания эту бумажку. В спальне не осталось ни одной целой вещи, и груды мусора лежали повсюду. Лишь обернувшись перед уходом, зацепился взглядом за идеально ровный белый прямоугольник.

А потом чуть не оглох и не ослеп от шока.

Это было мое фото. Старое, детское, но мое. Где последний раз видел его, я помнил отлично, пусть и мечтал бы забыть.

А вот номер под фото, едва заметный, составленный из букв и цифр, заставил все же без сил опуститься на кучу мусора.

Это был он – тот самый неизвестный донор из досье Штерна. Номер, который я не мог вычеркнуть из памяти, хоть и смирился, что Аглая ждет ребенка не от меня.

Моя сладкая, моя замечательная девочка умудрилась из десятков кандидатов выбрать именно меня. Еще до знакомства. Ничего не зная обо мне. И так метко, что из груди рвалось что-то дикое. Похожее на хохот и вой одновременно.

* * *

Не думал никогда, что стану отцом по-настоящему. Так, чтобы видеть своего ребенка, держать на руках и вдыхать аромат. За несколько лет после ухода Насти личная жизнь сама сменилась работой, а планы на будущее – стратегией развития компании.

Нормально было. Никакой головной боли и геморроя. Так бы и прожил до старости, если бы одна упрямая девчонка не разворошила что-то на душе, а потом раскатала меня в асфальт своей доверчивостью и подарила дочь.

– Ну, привет, красавица. – Пока нянька выгоняла на пробежку своего четырехлапого демона, я взял из люльки Сашу и прижал к груди. – Ух, как ты за три недели выросла! Уже серьезная дама. Соскучилась по папе?

Отодвинув водительское сиденье максимально назад, поцеловал малышку в обе щеки и носом потерся о маленький носик.

Ответом мне стала широкая радостная улыбка. Счастливая настолько, что слезы навернулись. Никогда до рождения дочки не плакал. Без единой слезинки перехоронил всех са-

мых близких. Как последний сухарь выгнал из дома любимую женщину. Вбитый в голову с детства запрет на сырость ничто не могло сломить. А эта глазастая крошка будто слезные каналы вылечила.

Невозможно было на нее смотреть без слез. С первого дня, как взял на руки в воронежском роддоме, до сих пор. Один звук, одна улыбка, и все мое спокойствие летело псу под хвост. Хотелось часами рассказывать ей, какая она хорошенькая, целовать каждый маленький пальчик и шизеть от непривычного кайфа.

Сладкая девочка. Иногда капризная, с упрямым характером, совсем как ее умница-мама. Иногда ласковая, как котенок.

Моя.

Никакие тесты не были нужны. Обошелся без очередного взлома электронного банка доноров. Как увидел ее, так и пропал. Почувствовал каким-то звериным чутьем свою кровь. Окосел от того, как она доверчиво затихла у меня на руках после родов и, зевнув, уснула.

Ради того момента однозначно стоило проходить цирк со сменой машин, переодеванием и платить дурные деньги акушерке.

Я пропустил много важных событий в жизни моей мышки. Меня не было рядом, когда в животе начала толкаться дочь, когда, круглая как шарик, моя Аглая покупала кроватку и одежду нашей малышке. Но хотя бы в момент появле-

ния на свет моей дочки никто не смог нас разлучить.

– Ну что, папаша, крышу сносит, как обычно?

Дождь уже начался, и нянька из двух машин привычно выбрала мой джип. Сбросила куртку. Без подсказки достала из хитрого термоса бутылочку с молоком и протянула мне.

– Как думаешь, я когда-нибудь к этому привыкну?

Кормить дочку было особым удовольствием. Я чувствовал запах грудного молока, представлял рядом Аглаю и хоть ненадолго забывал обо всем том дурдоме, в котором варился каждый день.

– Ты, батенька, клинический случай! – Зоя цокнула языком, а после и вообще махнула на меня рукой. – Может, к третьему или четвертому ребенку полегчает.

– Осталось уговорить нашу маму на третьего и четвертого, – шепотом сказал я малышке.

– Ага. Мелочь.

Нянька усмехнулась и наконец отвернулась от нас.

– Как Аглая?

Слышать ответ на этот вопрос каждый раз было больно, но не спросить я не мог.

– Крутится как белка в колесе. Тетка раскусила, какое сокровище ей досталось, и теперь эксплуатирует без зазрения совести.

– Лотерейный выигрыш брать все еще не желает?

– У них в роду, наверное, козы были. Я давно живу, но таких упрямых не встречала. Твердит, что ей на все хватает,

а помогать тетке в радость.

– Козы точно были. – Улыбаясь как ненормальный, я поцеловал в лоб малышку. Сразу вспомнилась наша с Аглаей первая встреча. Ее желание плеснуть в меня кофе. Мое желание свернуть ей шею.

С заднего сиденья послышался вздох.

– Димка зря искал победителя и перекупал билет. Деньги на воздух.

– Мы должны были хотя бы попробовать.

– Конечно...

– А так она как? Доктор все еще не отстал?

На несколько мгновений в салоне повисла тишина. Я слышал только, как Саша кушает молочко, как дождь стучит по крыше и как бухает в груди мое сердце.

– Блаженный он мужик. Будто переклинило на нашей Аглаше. Каждую неделю приходит. Вроде и жалко его: видный, молодой. А от унылого выражения лица... – Нянька откашлялась. – Тошно становится.

– Значит, не отстал... – Вкус у ревности был горький. Но за последние месяцы я привык и к этой горечи.

– Как наша девочка терпит, не знаю, но сама подумываю слабительным его накормить. На стыд в глазах мужика смотреть приятнее, чем на тоску.

Мысленно я дал добро, но ответить пришлось другое:

– Не нужно. Я сильно виноват перед Аглаей. Она имеет теперь полное право смотреть на других мужчин.

– Так что, и отпустишь? – Зоя аж через сиденье перегнулась. Даже ревматичную старуху изобразить забыла.

– Нет, конечно.

– Фух, а то я уже испугалась. – Она быстро перекрестилась. – Мы с Берримором не вечные, чтобы охранять Аглаю годами, пока ты в благородного оленя играешь. И так, если бы не наш общий еврейский друг, ни за что не согласилась бы на такое задание.

– Хочешь зарплату выше? Только скажи.

– Да при чём тут деньги?! Ещё один баран на мою голову! Можно от жалости помереть, наблюдая за вами троими. А мы с Берти на том свете уже побывали, назад туда не торопимся.

– Я и сам долго не выдержу.

Отдав пустую бутылочку Зое, я устроил свою малышку поудобнее и уткнулся носом в смешную розовую шапочку.

– Я уже слышала пять месяцев назад это твоё «не выдержу». – Сашина нянька невесело усмехнулась. – Еще одну пулю себе накаркать решил?

Словно она не вопрос произнесла, а ударила по больному месту – чуть выше бедра, по телу от живота до колена прокатилась болезненная волна.

– Ты вообще как выжил тогда? – В нашей няньке проснулся подполковник с кучей медалей за успешные операции. – Я всю баллистику пересчитала. От скуки как-то даже следственный эксперимент провела. Берти три раза падал, изоб-

ражая труп. А ты вон, — она кивнула на меня, — потрепанный, но живее всех живых.

— Если бы у твоего демона была такая же мотивация, как у меня, тоже выжил бы.

Вдаваться в подробности того случая не хотелось. Не было в нем ничего интересного и веселого. Вместо того чтобы забрать Аглаю и дочь, я больше месяца провалялся в больнице. Пережил пять операций. И потом ещё месяц учился заново есть, ходить и подтирать собственный зад.

Тяжёлое было время. Штерн землю носом рыл. Всех акционеров компроматами прижали к ногтю. Герасимова выкинули из совета директоров. В один из дней, когда у меня на четвёртой операции случилась остановка сердца, Дима чуть не грохнул старого козла.

Но все выжили, затаились и начали копать друг под друга с утроенной силой. Чтобы теперь уже достать наверняка — я его или он меня.

— Значит, не расскажешь? — Зоя снова удобно устроилась на сиденье и отвернулась к окну.

— Скажу, что не жалею совсем о той пуле. Стрелка Штерн взял через один день после покушения. И благодаря ему мы смогли нарыть на Герасимова столько, сколько годами искали бы сами.

— Только что-то повестку в суд он до сих пор не получил. В профессионализме нашей няни сомневаться не приходилось, но вот проблемы с оптимизмом у нее были всегда.

– Это вопрос нескольких недель.

– Ой, сглазишь! – она закивала головой.

– Не смогу я больше без них.

Не было у меня никаких новых аргументов. Пять месяцев и без того затянулись на целый год. Все это время ни отдыха, ни секса, ничего не хотел. Только забрать своих девочек. И начать вымаливать грехи.

– Ладно, – новой паузы не выдержала уже Зоя. – Отдавай мне принцессу и вали на свою стройку. Там, небось, все ревизора заждались.

Она толкнула дверь машины, всем своим видом демонстрируя, что время истекло.

– Через две недели сдача объекта. – Отдавать дочку было тяжело. Словно часть себя живьём отдирает. Хотел бы, но не мог пообещать, когда встретимся вновь, а разочарование на детском личике разрывало сердце.

– У-у... И больше никаких поводов? – У боевой няньки даже плечи опустились. Резала меня сочувствием, как ножом. – Ничего под Воронежем нового строить не надумал?

– Нет. Презентацию переживу и смотаю удочки.

Зоя вскинула на плечо сумку с термосом, забрала малышку и бросила на прощание:

– Ты только не додумайся у нашей тетки цветы на презентацию заказывать. От Ларисы Аркадьевны тебя даже Димка со всей своей кодлой не защитит. За племянницу горло перегрызет любому. А ты у нее в списке потенциальных смерт-

ников впереди всех бывших мужей стоишь.

Я последний раз глянул на дочку. Мысленно загадал, чтобы мы в следующий раз встретились у меня дома. А вслух совершенно искренне ответил: «Конечно».

Глава 4

Предчувствия и призраки

Аглая

С недавних пор я перестала верить в предчувствия. Если холодность Роберта еще как-то могла меня подготовить к разрыву, то измена Марата стала настоящим шоком. Знаменитое шестое чувство молчало. Я, как всегда, ждала с работы своего мужчину, а в результате получила гранату. Уже без чеки.

После тех событий к сегодняшнему странному беспокойству на душе даже прислушиваться не хотелось. С маленьким ребенком всегда можно было отыскать повод для тревоги. Вначале колики. Потом зубы. А после целый букет сюрпризов.

Еще потряхивать могло от простуды. Что такое «воронежская осень», я узнавала впервые, и организм банально мог не справиться.

Причин для волнения – хоть отбавляй. Но, когда после обеда в домофон позвонил Илья, простуда и колики забылись сами.

– Привет. Прости, что без предупреждения. – Вместо цветов он протянул плюшевого медведя. С грустными глазами и вышитым золотистыми нитками крестиком в районе сердца.

– Привет. Снова был поблизости?

Я быстро глянула на часы. Тетка точно уже доехала до самого дальнего нашего магазина. А до прихода Зои Фёдоровны оставалось еще полчаса.

– Нет.

Илья не стал спрашивать разрешения – вошел, будто пригласила, снял обувь и по-хозяйски бросил куртку на стул возле двери. Прежнего нерешительного доктора словно подменили.

– Что-то случилось?

Готовясь услышать что-то неприятное, я обняла себя руками.

– Я сегодня узнал, что мое место сокращают, – на одном выдохе произнес Илья.

– Как?! Но ведь у вас постоянно висят объявления о вакансиях...

– Я сам так и не понял, – Илья потер ладонями лицо и продолжил: – Но заведующая через свои каналы смогла найти мне другое место. С более высокой зарплатой, с жильем... – он сглотнул. – В столице.

От такой новости у меня дар речи пропал.

– Примерно такая у меня самого была реакция. – Послышался горький смешок. – Пришлось просить два раза повторить.

– Но ведь Москва – это здорово... – я наконец смогла взять себя в руки. – Да еще с жильем!

– Да. Удача, о которой раньше не мог и мечтать.

Словно говорил не про удачу, а про какую-то проблему, Илья еще сильнее нахмурился.

– Я надеюсь, ты ответил «да»? – осторожно, будто бомбу, способную в любой момент взорваться, я взяла руку доктора в свою и крепко сжала.

Он внимательно проследил за моим жестом. Ненадолго прикрыл глаза. А потом толчком, как слетевшая с опоры пружина, резко прижал меня к стене.

На миг я даже растерялась. Пол из-под ног ушел. Но сильные руки сжали тисками, и влажный язык толкнулся в рот.

Это оказалось настолько неожиданно... Я словно под воду ушла. Захлебнулась чужими эмоциями. Потерялась на глубине без надежды на вдох и на помощь.

Не было в этом поцелуе ничего похожего на удовольствие. Не знаю, что чувствовал Илья, но я изо всех сил упиралась, била его в грудь и пыталась отвернуться.

Сколько времени прошло, перед тем как оказалась на свободе, я так и не поняла. От злости внутри все кипело. А от заинтересованного взгляда дочери хотелось сквозь землю провалиться.

– Прости меня, прости... – Илья одумался поздно. Словно подкошенный, он упал на колени, обхватил меня за талию и зашептал: – Не хочу я от тебя никуда уезжать. Думать об этом не хочу. Не нужна мне никакая Москва без тебя. Знаю, что все еще любишь своего бывшего, но, пожалуйста... Аглая,

поехали со мной! Умоляю! Я в лепешку расшибусь ради вас с Сашей. Если понадобится, на две работы устроюсь... на три! У вас все будет, что захотите. Только поехали!

Будто робот с прогоревшими микросхемами, я осторожна, стараясь не касаться Ильи, выпуталась из объятий. Поправила платье. И поставила между собой и своим гостем стул.

– Тебе лучше уйти.

– Я клянусь, что ты не пожалеешь. Буду пылинки сдувать. Не стану ни к чему принуждать или даже просить. Прошу, поехали...

– Илья, ты вообще слышишь, что я говорю?

Доброй и понимающей быть не получалось. Меня все еще потряхивало, а от потребности смыть чужие прикосновения зудела кожа.

– Прости... – так и оставшись на коленях, Илья головой оперся о стену. – У меня крышу сносит от мысли, что больше не увижу тебя.

– Тогда тем более тебе следует ответить «да» на предложение заведующей и уехать.

– Разлука лечит? – Красивое мужское лицо искривилось, как от сильной зубной боли. – Так у тебя? Не заметил, чтобы помогло.

Я вскинула подбородок. Часто захлопала ресницами, прогоняя ненужные слезы.

Чуть больше недели прошло со встречи с Робертом. Ночь

слез в подушку. И вот снова здравствуйте. Видимо, пора было вводить запрет на мужчин. Сесть на жесткую феминистскую диету, а всех представителей сильного пола отправлять общаться с Берти.

– Ни разлука, ни время не лечат, – ответила наконец. – Но у тебя все будет хорошо. «Хорошо» – это уже много.

– Будет...

Илья вставал, казалось, вечность.

– Обязательно будет! – Не дожидаясь, когда решится уйти, я сама подала куртку и распахнула дверь. – Я не давала тебе поводов. Ничего не обещала и ни о чем не просила. Ты забудешь нас быстро. Как легко пришло, так легко и уйдет. Особенно в шумной Москве.

– А если я не хочу, чтобы уходило?

Ни одна побитая собака не могла выглядеть более жалостливо, чем сейчас смотрелся один из самых привлекательных мужчин города.

– В таком случае это болезнь. И я тут ни при чем.

– Даже когда злишься, ты красивая. Кто-нибудь говорил? – Взгляд Ильи снова остановился на моих губах.

Готовая в любой момент толкнуть в его сторону стул, я до побелевших костяшек сжала деревянную спинку. Сделала глубокий вдох. Но пугать дочку не пришлось.

– Я буду ждать тебя там, в Москве. Хочешь этого или нет. – словно боялся упустить хотя бы один общий миг, Илья, не глядя на кроссовки, обулся и задом попятился в

коридор. Только за дверью остановился. – Не захочешь в Москве – вернусь сюда. Просто знай. Что бы ни случилось.

– Не нужно, – произнесла одними губами.

Все такой же несчастный, Илья шумно вздохнул. Нажал на кнопку лифта. И лишь когда открылись дверцы кабины, смог отвести от меня взгляд.

Вместе с раздавшимся звонком лифта у меня самой словно внутренний стержень согнулся. Стул, за который держалась все это время, оказался под попой. В голове вместо мыслей образовалась каша. И даже дверь закрыть не хватило сил.

Лишь слушать, как гудит лифт.

Хлопает внизу дверь.

И очередное настоящее становится прошлым.

Я сказала Илье чистую правду. Я не давала ему поводов и не намекала на близость. Он сам придумал свои чувства. Обычную симпатию принял за интерес. Терпение – за отношения.

Не было у нас ничего общего кроме детских соплей и пары ночей на телефоне, когда Саша подхватила свою первую и пока единственную простуду. У нас даже объятий не было. Лишь один вырванный силой поцелуй.

Но меня все равно почему-то ломало. Сквозь злость чувствовала вину. Хоть не было оснований, но ощущала себя предательницей, выставившей за порог единственного любящего мужчину. Будто бумеранг. Дикая, извращенная версия моего собственного последнего расставания.

Больно, но нужно.

Некрасиво, но бесценно для излечения от никому не нужной болезни.

* * *

На мягком развивающем коврикe гоняла туда-сюда неваляшку Саша. Каша в голове с каждой секундой становилась все более горькой. Попа словно приросла к стулу.

Ума не приложу, сколько бы я так просидела, если бы не Зоя Фёдоровна. Будто находить своих нанимателей у порога для нее привычное дело, нянька провела в ванную Берти, закрыла за собой дверь и только потом поинтересовалась:

– Я так понимаю, это не меня ты тут на стульчике ждешь?

Она улыбнулась ехидной улыбкой. Очень похожей на одну мужскую. Из прошлого.

До боли зажмутив глаза, я заставила себя очнуться.

– Илью в Москву переводят. Здесь сократили. Там новую работу предоставили. С жильем.

– Э-э...

Соседка стянула с шеи шарф и удивленно замерла.

– И давно он узнал?

– Только сегодня. Сам не поверил сразу.

– М-м... – Узкие сухие губы сжались в нитку. – Отелло, – произнесла Зоя Фёдоровна себе под нос. – А я ведь предлагала слабительное. Пять минут позора, и все в порядке. Но

нет, он не такой...

Уже не обращая на меня никакого внимания, она направилась в ванную. Сквозь плеск воды до меня донеслось лишь «олень» и «безрогий». Вряд ли это могло касаться Ильи. Но в моей черепушке все еще царил хаос, и, что означает такая реакция, я, к сожалению, не додумалась спросить.

Глава 5

Встреча

Аглая

Словно почувствовала, что ее доктор уехал, Саша тут же засопливила. Пару ночей у нее держалась температура. Мой милый тихий ребенок вдруг стал капризным. А еще через день появился первый зуб.

На радостях весь наш дружный женский коллектив решил устроить праздник. С тортом для нас троих, с косточкой для Берти и новым прорезывателем для Саши.

Вечером в честь такого события я даже планировала открыть привезенную из Питера бутылочку безалкогольного вина. Что-то крепче мне пока было нельзя, но порадовать тетку и Зою Федоровну хотелось очень.

Планы были самые праздничные. Но, когда этот вечер настал, угощения забылись, прорезыватель достался Берти, а дочка сама отвоевала у сурового пса косточку.

Я ничего не могла с собой поделать. Вместо того чтобы праздновать, радоваться и говорить красивые речи, меня трясло как от гриппа три года назад. Кусок не лез в горло. Вот только причиной лихорадки была не болезнь, не холод, а встреча.

О том, что увела у конкурентов крупный заказ на оформление презентации новой гостиницы, тетка молчала до самого последнего момента. Чтобы не накликать на фирму беду, она даже коммерческое предложение выслала от себя лично, как частного предпринимателя.

Доходы на кону стояли такие, что нам и за квартал не снились. Флористы из двух магазинов неделю готовили детали, а потом еще два дня жили на работе, чтобы только успеть. Им в подмогу, все так же тайно от меня, тетка наняла еще трех шустрых девочек.

Но, когда настал день икс, как раз перед домашним праздником, тетка умудрилась поскользнуться на мокрой плитке и подвернуть ногу.

Уверенная, что сегодня меня ждут только розы на торте, я вначале ничего не поняла о заказе. После нескольких дней дома с термометром и ибуфеном, обалдела от свалившейся ответственности. Но спустя час после звонка из больницы уже командовала, куда что грузить. Спорила с бойкой администраторшей новой гостиницы о белизне белых роз. И чуть не убила нашего штатного грузчика, когда узнала, что он забыл в магазине самое ценное – причудливый букет из ирисов и белых орхидей для кабинета управляющего.

Дождаться, когда до грузчика дойдет весь масштаб тра-

гедии, можно было вечность. Потому я не стала тянуть время – прыгнула в первое попавшееся такси, сама забрала букет и лично, сочиняя на ходу текст извинения, понесла в кабинет управляющего.

Остановиться позволила себе только перед тяжелой дверью с золотистой табличкой. Сердце барабанило в груди как ненормальное, от вполне симпатичного хвоста осталось одно воспоминание, а помаду я съела еще во время загрузки цветов в грузовик.

Чтобы поправить весь этот ужас, понадобилась пара минут. От тахикардии новый хвостик, конечно, не спас. Но я хотя бы не ощущала себя загнанным курьером, развезшим за утро дюжину пицц.

Уверенности хватило, чтобы постучать в дверь. Просунув цветы впереди себя, войти в кабинет и даже поздороваться.

На большее не нашлось ни сил, ни гордости, ни воздуха в легких.

Управляющий, как и обещала администраторша, оказался у себя. Но он был не один. Недалеко от стола, отвернувшись к окну, стоял второй мужчина. Высокий, плечистый, в дорогом костюме, идеально подчеркивающим сильное тело и длинные ноги.

Он так и притягивал к себе взгляд. Одним своим присутствием заставлял забывать подготовленные слова. Будил во мне тревогу.

Словно увидела не живого человека, а призрака, я так и

не извинилась перед управляющим. Едва слышно проблеяла что-то вроде: «Цветы вам!» – и двинулась к выходу.

Это было как наваждение. Морок. Мозг отказывался включаться и анализировать. Тело тоже не слушалось. Будто кто-то сейчас фаршировал иголками сделанную с меня куклу вуду, я совсем ничего не контролировала.

Вместо того чтобы остановиться и успокоиться, не разбирая ступеней, бросилась по лестнице вниз. Не оборачиваясь ни на чьи голоса, маленьким торнадо пронеслась по холлу. И все так же, ничего не замечая, побежала к такси на противоположной стороне улицы.

Впереди все сливалось будто в дымке. Ноги отказывались слушаться. Только когда от сигнала приближающейся машины заложило уши, а свет фар ударил по глазам, я поняла, что произошло.

Крик ужаса застрял в горле. Сердце, казалось, остановилось.

Метры между нами сокращались с сумасшедшей скоростью. Но в самый последний момент чья-то сильная рука схватила меня за плечо, дернула в сторону. И вместо железного капота я ударилась носом в твердую мужскую грудь.

* * *

Говорят, сумасшедшим постоянно что-то чудится. То голоса, то чудеса, то знакомые лица. Еще минуту назад я была

уверена, что сошла с ума. Вычеркнула себя из числа здоровых и бежала от своего призрака прочь.

А сейчас вдруг этот бег остановился. Призрака не существовало.

Не нужно было поднимать голову, чтобы рассмотреть лицо своего спасителя. Не нужно было спрашивать имя.

Хотела бы я списать догадку на дежавю, но даже спустя долгий год не забыла ощущений от прикосновения к Марату.

Наверное, слепые «видят» именно так – по запахам, по формам, каким-то необъяснимым зрячим людям чутьем. Достаточно легкого касания, и процесс узнавания запущен. А дальше... или беги прочь, или оставайся. Как в двоичной системе счисления: ноль и один. Никаких альтернатив.

Трусливое сердце сразу же потребовало бежать. Разум закричал: «Спасайся!» Но когда у меня с Маратом срабатывали собственные приказы?

Все, на что хватило сил, оттолкнуть его. Крепко, словно броней, обхватить себя руками. А дальше он уже сам не отпустил.

– Все так же не бережешься, маленькая?

Одна его рука сжала мое плечо, а вторая за подбородок подняла голову. Настойчиво, будто имел право.

– Не твое дело! – Я резко отвернулась.

К встрече с Робертом я была готова, а к этой нет. Внутри, как в первый день разлуки, все рвалось в клочья. Выгорало до пепла, хотя казалось, что давно нечему было гореть.

– Упрямая, как и раньше. – Он провел кончиком пальца по моей правой скуле. Словно шрам оставил. Коснулся носа. И резко отпустил. – А еще красивая.

Последняя фраза была как удар ножом в сердце. Всю мою нерешительность смыло за миг. За этой очищающей волной поднялась другая. Из обиды, горечи, злости, всего того, что накопилось за десятки бессонных ночей и месяцев вдали от него.

Уже не боясь ничего, я подняла голову. Остановила взгляд на когда-то самом любимом лице... и вместо того чтобы выплеснуть скопившуюся горечь на этого мерзавца, позволила колючим, ледяным струям скатиться по собственному телу.

Нельзя почувствовать боль другого. Ее можно только представить.

Нельзя ощутить перемены в другом. Их можно лишь увидеть.

В морщинках между бровей, ставших за год глубокими, как у старика. В седине на висках, которой раньше не было, а сейчас она густым серебром горела среди черных вихров. В опущенных уголках губ.

Это было как удар под дых. В отличие от Ильи я не чувствовала жалости. В отличие от Роберта не мучила себя грустью. Но во всем том котле из чувств, что закипал сейчас на душе, не могла найти и ярость.

У Марата словно был антидот от любых моих негативных эмоций. Я ненавидела его всем своим существом. Кляла себя

за прежнюю доверчивость. А ни дать пощечину, ни выплеснуть словами обиду, ни сбежать – не могла.

Просто стояла на одном месте. Смотрела на него. И сгорала заживо. Как в первый день.

– Скоро мы встретимся, мышка, – так и не дождавшись от меня ни слова, Марат заговорил сам. – Ты обязательно расскажешь, как презираешь меня. Я разрешу тебе расцарапать мне лицо и выкричаться до хрипоты. Если захочешь, сможешь даже ударить. Сколько угодно раз. – Он на секунду лбом прижался к моему лбу. Совсем как раньше. – Только береги себя сейчас. Еще немного. Ради вас двоих.

От невысказанных фраз во рту все пересохло. Чувствуя, как земля уплывает из-под ног, я закрыла глаза. Глубоко вдохнула...

Но обморока не случилось. Вместо грязного асфальта под попой оказалось сиденье автомобиля. А вместо мужчины, которого когда-то безумно любила, за рулем о чем-то своем звонко трещал водитель такси.

Как и не было ничего. Привиделось.

Глава 6

Наперегонки с судьбой

Марат

Я делал в жизни много вещей против своей воли. Когда-то ради родных, когда-то ради бизнеса. Идти против себя всегда было непросто. Но никогда бы не подумал, что самым сложным окажется одно простое действие – захлопнуть дверцу такси.

Стоило довести Аглаю до машины, пальцы скрутило, как у больного артритом старика. Толкать пришлось локтем. А после этого еще пару минут стоять на остановке – успокаивать бешено колотящуюся штуковину за грудиной.

Мышка моя. Потерянная и такая настоящая...

Фотографии и видеоотчеты нагло ввали. На снимках и записи она всегда была собранной, уверенной, спокойной. Красивая незнакомка, с которой хорошо было скоротать вечер и утром проститься. А реальная же, живая... Какой вечер? Какое проститься? Оторвать от себя ее не мог!

Чуть не побежал вслед за машиной. Чуть не заорал таксисту, чтобы тот остановился.

Не знаю, как сдержался. Будто еще раз словил пулю, но уже не в бедро, а выше – между ребер, где все горело и билось.

Работать после этой встречи не мог. Праздник, красная лента, сдача нового объекта – дела отошли на второй план.

Словно мальчишке на побегушках, ввалил управляющему за цветы. Не могла тетка Аглаи влезть со своей фирмой в тендер на оформление презентации. Специально заранее предупредил: «Кто угодно, только не они!»

Спихнул на зама оставшиеся вопросы и поздравления.

Сам, отправив водителя покурить, сел за руль. И будто не получал пулю за подобное геройство пять месяцев назад, вырулил в город.

Нервы звенели от напряжения. Чтобы не взорваться, просто необходимо было куда-то себя деть.

И я дел. Нога вдавила в пол педаль газа. Позади, со стоянки, вырулила машина охраны. По сторонам, сливаясь в цветастые линии, полетели светофоры, витрины, чужие улицы и незнакомые лица.

Не знаю, сколько прошло времени. Я не смотрел на часы и не обращал внимания на спидометр. Маневрировал в потоке, пока до дома, где жила Аглая, не остался один километр.

Непозволительно короткое расстояние. Никогда, даже в дни, когда от тоски хотелось повеситься, я не приближался так близко к мышке и нашей дочке. Никогда не позволял себе подставлять их своим присутствием.

А сейчас... Никакие стопоры не работали. Одного взгляда зеленых глаз хватило, чтобы выжечь под ноль остатки терпения.

Мне нужны были мои девочки! Обиженные, гордые – какие угодно, но только чтобы в любой момент мог прикоснуться. Как оказалось, не привык я за год к одиночеству. Вдалеке от Аглаи верил, что жить можно. Дел побольше, проектов посложнее – суровый рецепт выживания.

А сейчас увидел ее, такую родную, такую несчастную, и ничего от моего героизма не осталось. По морде получить захотелось. Услышать, как посылает к черту. Закрыв глаза, почувствовать, как скользит взглядом и понимает... Сквозь все обиды и мою ювелирно рассчитанную ложь. Все понимает. Сама. Как только она одна и умела понимать.

* * *

Штерн приехал ко мне в офис с самого утра. Хватило сообщения с коротким текстом: «Нужно поговорить».

Каким-то своим еврейским чутьем Дима заранее понял, о чем будет речь. И еще до моего первого вопроса выложил на стол свежие фото Герасимова, его бывшего заместителя и еще каких-то людей со штампами «Пропал без вести».

– Я так понимаю, что с Воронежем мы завязываем? – он расслабленно откинулся на спинку кресла. – Фёдоровна сообщила, что вы с Калининой спалились.

– Твоя разведка работает без выходных?

– Эта, как ты ее называешь, «разведка» мне всю плешь проела, когда узнала, что вы встретились. Командиры в мо-

лодости так мозг не выносили, как наша Зоя Фёдоровна. – Штерн усмехнулся. – Понятно стало, почему в ее взводе всегда была рекордная выживаемость. Когда начальство так орет, бояться будешь не противника, а собственного руководства.

– Аглая цветы принесла, – пришлось каяться. – Я просил управляющего, чтобы компанию ее тетки и близко не подпустили к организации шоу. Но та как-то обошла запрет.

– Будем надеяться, что вас не успели засечь. – Дима пододвинул документы ко мне поближе.

– Вышли Зое кого-нибудь в помощь. Пусть подстрахуют. Словно я глупость сморозил, Штерн покачал головой.

– Машина уже выехала. Самолетом парней отправлять не стал. Сам понимаешь – поехали не пустыми.

– Хорошо.

Я почувствовал, как нервы немного успокаиваются, и наконец смог взять в руки бумаги.

– До бывшего зама Герасимова, Германа Шульца, нам удалось добраться только на прошлой неделе, – начал рассказ Дима. – Стрелок не соврал – тот боится собственной тени и каждый месяц переезжает с места на место. Я даже заподозрил, что он в программе защиты свидетелей, но все дела против Герасимова закрыты. У половины уже прошли сроки давности. Так что наш старикашка чище праведника!

– Выходит, его зам просто неудачно отошел от дел своего босса...

Я задумался. За последний год мы выяснили, что таких неудачников рядом с Герасимовым было много. Две его жены, которых до сих пор никто не мог найти. Около десятка подчиненных.

Все они исчезали красиво: жены – на курортах, подчиненные – во время командировок или в отпусках. Но всегда с концами. Без выживших.

Наш стрелок не был причастен ни к одному убийству – Герасимов не любил использовать людей повторно. В его задачах стоял лишь я, и после выполнения заказа парень прекрасно понимал, что может получить пулю в лоб.

О том, что неудачное покушение обойдется исполнителю слишком дорого, сомнений не было ни у кого. Потому заставлять стрелка сотрудничать нам не пришлось. Вместо того чтобы идти в отказ, он сам помогал искать ниточки к другим жертвам. Сдавал своих же коллег. И именно он смог обнаружить след бывшего зама Герасимова. Живого и невредимого.

– Он уже пошел на контакт? – я указал на фото поджарого седого мужчины, который настойчиво тянул куда-то за руку молодую женщину.

– Неохотно. Этот Шульц никому не доверяет. Пришлось выложить на стол все карты, чтобы заговорил. Но пока причина его удивительной живучести остается загадкой.

– Думаешь, компромат?

– Вряд ли после стольких убийств Герасимов вспылал

состраданием к своему бывшему заму. – Кресло под Димой скрипнуло. Поза моего безопасника стала напряженной. – Скорее всего, тот смог прихватить какие-то записи. Может, сделать копии договоров. Может, видео убийств... Стрелок говорил, что старый козел всегда требовал у исполнителей доказательства. Возможно, еще что-то. Пока нам остается только гадать.

Я обхватил голову руками и глубоко вдохнул. За год мы еще никогда не подбирались к Герасимову так близко. Хороший компромат был бы намного эффективнее, чем признание одного-единственного снайпера, который даже деньги за свои услуги так и не получил.

Мы бы упекли Герасимова всерьез и надолго. Казалось, оставался один шаг до свободы.

– Дима, сам знаешь, у всего есть цена. У этого компромата она тоже должна быть. Я готов раскошелиться.

– Боюсь, одними деньгами в этом случае мы не обойдемся, – Штерн вдруг перешел на загадки.

– Липовые документы, гражданство любой страны мира – я готов.

Будто доктор, который имеет дело с тяжелобольным пациентом, Дима покачал головой. Но задал лишь один вопрос. Самый правильный.

– Больше не можешь? – Он даже не ухмылялся.

– Не могу. Совсем.

Говорить правду было легко. Встреча в Воронеже принес-

ла свои плоды.

– Хорошо, – Штерн встал. – Готовь деньги. Я подключу кого следует. Но не обещаю, что все будет легко и просто. Мне нужно как минимум дней десять. А в идеале – пару недель.

– Чем быстрее – тем лучше.

Кажется, я уже научился от этого еврея привычке торговаться.

Дима красноречиво хмыкнул, но спорить не стал. Как обычно, не прощаясь, он направился к двери. Не оборачиваясь, вышел.

Через несколько секунд за стеной стихли шаги, и в моем кабинете повисла тишина.

Минуту.

Другую.

Третью.

Мне почему-то даже компьютер включать не хотелось. Перед глазами все еще мелькали лица пропавших. На сердце что-то неприятно тянуло. А вскоре телефон разродился входящим сообщением.

Абонент, который направил его, не числился в списке моих контактов. Я знал его номер, но никогда не вызывал со своего телефона. Лишь с одноразовых. Редко.

А текст... Всего четыре слова, и на отсрочке, которую просил Штерн, появился жирный крест.

Глава 7

Охота на женщину

Аглая

Встреча с Маратом разбудила во мне злость и паранойю.

Злость пришла первой. Она явилась на смену растерянности. Уже в машине странная магия Абашева прекратила свое действие. На расстоянии ничего не ёкало в груди, не хотелось ни к кому прижиматься, а вот отхлестать по щекам и выкричаться стало просто необходимо.

Если бы я не боялась собственной реакции на Марата сильнее, чем желаний, обязательно попросила бы таксиста повернуть к отелю. Что сказать этому мерзавцу, нашлось бы. Но несколько минут назад я уже стояла рядом со своим прошлым, и рот никто не закрывал.

Паранойя пришла позже. Ей было непросто пробиться сквозь тот вулкан, что бурлил на душе. Правильные мысли поначалу не задерживались в голове. Гасли под наплывом эмоций. И лишь к вечеру нервное слезливое создание смогло уступить место вменяемой умной женщине.

Я остервенело, до пореза на пальце, строгала овощи на суп. Мыла полы так, словно вот-вот в гости должна была пожаловать английская королева. До блеска драила духовку и плиту. Параллельно со всем этим развлекала Сашу и успо-

каивалась.

Чем меньше оставалось физических сил, тем лучше сообщал мозг. Это была какая-то особенная женская механика. Наш уникальный феномен, не поддающийся никакому объяснению.

В моем случае усталость помогла вспомнить толпу людей вокруг нас с Маратом. Похожих на охранников, крепких мужчин в строгих костюмах, которые носились вокруг Абашева туда-сюда. Я вспомнила галстук-бабочку, который Марат терпеть не мог и надевал лишь, когда нужно было отыграть роль главного босса на каком-нибудь мероприятии.

Еще в памяти всплыла вспышка фотоаппарата, будто мы с Маратом не на открытии гостиницы, а на каком-то кинофестивале, и не случайные знакомые, а звездная пара, которую обязательно нужно запечатлеть.

Впрочем, вспышка после ослепляющего света фар могла и привидеться. Полагаться на свою память в тот момент вообще было сложно, потому я уцепилась за следующий фрагмент – совершенно непонятную просьбу Марата.

Просить беречь себя после того, что он уже сделал, было даже не смешно. Слова звучали как издевка. Не просят о подобном у бывших. И тем более – не просят с таким тревожным выражением, какое было на лице Марата.

О его обещании новой встречи даже думать было больно. Из всех людей на земном шаре меньше всего я хотела бы повстречаться еще раз с ним. Цена прошлой встречи аукалась

до сих пор. Порой саму себя не узнавала.

Но утренняя прогулка с Сашей на следующий день заставила задуматься и над странным обещанием.

* * *

В вопросах прогулок тетка и соседка придерживались противоположных взглядов. Тетка считала, что безопаснее Воронежа города нет, и гулять здесь можно всегда и везде. Соседка в каждом незнакомце видела потенциального маньяка, а в старушках под окном – источник сглаза и проклятий.

С учетом того, что ни в какую потустороннюю силу Зоя Фёдоровна не верила, это было удивительно. Логика хромала на обе ноги. Но желание пообщаться с милыми бабушками или рассказать что-то о себе такая позиция отбивала напроочь.

Как результат гуляли мы с Сашей спокойно, не думая о безопасности. Но недалеко. Чтобы всегда можно было сбежать от любого маньяка.

Обычно я размышляла об этом со смехом. Соседка с теткой все же здорово повлияли на мою жизнь. А сегодня почему-то смеяться не хотелось.

Возможно, после встречи с Маратом и бессонной ночи моя нервная система еще не восстановилась. Возможно, виновата была какая-нибудь магнитная буря, но с самого нача-

ла прогулки я ощущала непривычную тревогу.

Она была похожа на тяжелый взгляд в затылок. Как прикосновение. Холодное, сковывающее. Шеей поворачивать не хотелось. Вместо того чтобы разглядывать деревья и кусты, я катила перед собой коляску, читала Саше по памяти стишки, а саму словно кто-то лапал.

В какой-то момент я даже подумала, что это Абашев. Соскучился по прежней игрушке, снова захотел острых ощущений. Но за час прогулки ни Марат, ни один из его охранников так и не появились.

Вместо них затылок сверлила параноя. В окнах квартир иногда отражались незнакомые машины. И с каждой минутой на свежем воздухе мне все сильнее хотелось домой.

Еще через полчаса это желание победило окончательно. Саша спала сладким сном, когда я повернула в сторону нашего подъезда. Пройти оставалось всего ничего – обогнуть огороженную невысоким забором детскую площадку, пересечь заставленный машинами тротуар и по пандусу подьехать к металлической двери.

Но мне не хватило пары минут. Возле заборчика, будто газон – это идеальное место для парковки, вдруг резко остановился большой тонированный джип, и тревога за одно мгновение превратилась в панику.

– Девушка, здравствуйте. Можно у вас кое-что узнать?

Из машины вышло двое мужчин. Даже отдаленно они не напоминали лощеных телохранителей Абашева. Эти двое

словно сошли с экрана фильма о девяностых. Все те же черные очки в пасмурную погоду, налысо бритые черепа. Только вместо спортивных костюмов на незнакомцах красовались джинсы и обычные серые толстовки.

– Извините, у меня ребенок спит.

Паранойя включилась на максимум, и, не позволяя к себе приблизиться, я двинулась в противоположную сторону.

– Мы на минутку. Только уточним кое-что, и все.

Один из мужчин отстал, будто осматриваясь. Второй последовал за мной.

– Спросите у кого-нибудь другого...

Я уже не шла, а бежала.

– Да куда вы так спешите? – окликнул он и тоже ускорился.

– Домой, – произнесла я себе под нос. – Мне нужно домой...

– Не так быстро, детка! – раздалось сзади уже без прежнего игривого тона, и черный джип тоже медленно покатился в нашу сторону.

От этой перемены у меня внутри будто все замерло. Работали лишь ноги и руки. Я толкала коляску вперед. Как могла, быстро перебирала ногами. Словно погонщик, тревога кричала: «Поднажми! Давай!», но шансы оторваться от моих преследователей таяли с каждой секундой.

Еще несколько мгновений, и меня загнали бы в тупик между машиной и забором детской площадки. Расстояние

сужалось на глазах. Но в самый последний момент меня будто кто-то подменил. Плюнув на коляску, я схватила на руки дочь. Перемахнула через заборчик. И под громкий свист бросилась к подъезду.

Саша так и не раскрыла глаз, когда за нами со стуком закрылась тяжелая металлическая дверь. Она даже не агукнула, пока я бежала с ней на третий этаж, не доверяя лифту.

Моя маленькая девочка как спала, так и продолжила спать уже дома в своей кроватке, когда я закрывалась на все замки и трясущимися руками доставала из кармана телефон.

* * *

Зоя Фёдоровна ответила тут же. Каким-то непостижимым образом по первому «алло» она поняла, что со мной что-то случилось, и уже через минуту вместе с Берти стояла под дверью.

За такую оперативность хотелось броситься к ней в ноги и разреветься. Нервы совсем сдавали, но не успела я вставить первый ключ, со стороны коридора раздался строгий приказ:

– Замки не открывай!

– Там, на улице какие-то мужчины... – Так и не поняв, как дальше поступать, я опустилась на стул у входа. Тот самый, которым еще недавно защищалась от Ильи. – Они что-то хотели от меня.

– Конкретный вопрос задавали или просто требовали

остановиться?

– Нет. Только остановиться.

– Сколько их, заметила? – в голосе соседки даже эмоций никаких не было. Холодная заинтересованность, как у следователя, много повидавшего на своем веку.

– Точно не знаю... – Чужая сосредоточенность действовала как холодный душ. Сердце все еще колотилось, но мозг начал соображать. – Один бежал за мной. Второй осматривался. И кто-то был в машине. Водитель. Возможно, с ним кто-то еще.

– Умница. Лица видела? Опознать при случае сможешь?

Я на секунду вернулась в недавнее прошлое. Мысленно скользнула взглядом по своим преследователям. И нервно сглотнула.

– Двоих смогу. Водителя – нет. Стекла были тонированные.

– Ясно... – прозвучало туманно.

– У меня коляска осталась на улице... и сумка с термосом, – о вещах я почему-то вспомнила только сейчас. – Может быть, позвонить в полицию? На улицу пока выходить... боюсь.

Берти громко зевнул, словно я сморозила глупость. Соседка ничего не ответила. Поднявшись, я увидела в глазок, как она что-то набирает на своем стареньком мобильном телефоне. А когда тот вернулся в карман, Зоя Фёдоровна наконец произнесла:

– Полицию пока не нужно. По такому поводу они, скорее всего, не приедут, а на карандаш поставят. Потом, в случае необходимости, будут час катиться на вызов или отправят самую неопытную группу.

Откуда у простой учительницы такая осведомленность, я и представить не могла. Что Берти, что его хозяйка всегда казались божьими одуванчиками. Но заниматься расспросами сейчас совсем не было желания.

– Тогда что мне делать? – я беспомощно сжала в руках ключи и глянула на Сашу. Наверное, нужно было благодарить бога, что послал мне такую соню. Если бы сейчас еще и она бодрствовала, не представляю, как бы я справилась.

– Аглаш, тебе ничего не нужно делать. Мы с сэром Бэрримором пойдем прогуляемся. Пару часов не жди. Если кто-то станет звонить в дверь – не подходи. Начнут ломиться – набирай меня, а потом полицию.

– Просто ждать?

Соседка снова достала свой телефон. Прочла входящее сообщение и кивнула. Словно отвечая одновременно мне и себе.

* * *

Ждать оказалось непросто. Первые полчаса я не отлипла от окна. Рассматривала джип и мужчин, ходивших вокруг него. Еще полчаса придумывала, что такого сказать поли-

ции, чтобы они точно приехали. А потом проснулась Саша, и стало не до размышлений с челночным бегом к окну.

Вместо нервной трясучки пришлось заняться пюре из брокколи. Вместо стратегий – придумывать, как развлечь малышку дома.

Без Берти и охапки осенних листьев, которые в последнее время полюбила рассматривать моя зайка, это было сложно. Саша постоянно оглядывалась в сторону двери и делала грустное личико. Но барабанная установка из кастрюль и черпаков в конце концов заставила ее забыть пса и начать улыбаться.

С ней заулыбалась и я. Будто не убегала сегодня от неизвестных и не тряслась под дверью квартиры. Закаленная за стрессы последних дней психика восстанавливалась удивительно быстро. Занятая играми, я не заметила, как прошло обещанных соседкой два часа. Перестала следить за передвижением во дворе. И даже почти убедила себя, что сегодняшняя неприятность – плод моей фантазии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.